

Серия «ПОЗИТИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ
или ЖЕНСКАЯ ГЛУПОСТЬ»

~ 5 ~

Опасное сходство

ТАТЬЯНА КАЗАКОВА
Женский детектив

18+

Татьяна Казакова

Опасное сходство

«Автор»

2026

Татьяна Казакова

Опасное сходство / Татьяна Казакова — «Автор», 2026

Вот некоторые женщины притягивают к себе деньги, некоторые — мужчин, причем не всегда богатых, просто мужчин, а некоторым везет в лотереи или в карты Мне же везет на неприятности. Я-то ладно. Выкручусь. А Маша? Маша испуганно озиралась по сторонам. Ободранные обои, стены в подтёках, грязное окно ..И это теперь их дом.— Мам, а где же туалет?— Не знаю, Серенький, сейчас посмотрим.— А ванная где?Она вышла в коридор. Тусклый свет одной лампочки не позволял разглядеть подробности, но это, наверное, и к лучшему — подробности наверняка были неприглядные.Маша виновато пожала плечами.— Ванной нет.— А где же мы будем мыться?Ну как тут было не помочь?Вот я и помогла.А потом появился он. Вернее, его труп. «Опасное сходство» — пятая книга в серии иронических детективов «Позитивное мышление или женская глупость». Иллюстратор обложки — Анастасия Книжонок.Серия книг:Ничего себе пошутилаЧем черт не шутитВыстрел по фотографииУкрашение для женщинОпасное сходствоОтдых с приключением

© Татьяна Казакова, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Казакова

Опасное сходство

Глава

— Здравствуйте, - буркнула мрачная личность и, не дожидаясь приглашения, вошла в квартиру, волоча за собой огромную сумку. Маша молча показала на закрытую дверь, и когда мужчина скрылся за ней, обречено вздохнув, пошла в ванную за тряпкой. С тех пор, как она стала сдавать комнату, к ее жильцам иногда приходили посетители, как правило, мужчины, но обычно они были вежливы, снимали обувь в прихожей, а этот как был в грязных ботинках, так и пошел, даже не вытер о половичек.

— Мама, - негромко позвал сын, - кто там?

— Это не к нам, мой зайчик. — Она поцеловала его в макушку, а потом внимательно всмотрелась. Сердце защемило от жалости, какой он сегодня бледненький, прямо прозрачный.

— Серенький мой, зайчик мой родной, - она гладила его по худенькой спинке, и что-то ласково приговаривала, а он прижался к ее теплому плечу и замер.

— Папа звонил?

— Сереженька, я бы сразу тебе сказала, но, видимо, он в командировке или занят очень на работе.

— Да ладно, мам, не выгораживай его. А вообще мне все равно, звонит он или нет.

Маша заметила, как при этом у сына задрожали губы. Ну почему он не звонит? Неужели так трудно набрать номер? Ей было наплевать на бывшего мужа и на его звонки, но Сережа переживал, отец совсем забыл его. Она наклонилась над кроватью, делая вид, что поправляет одеяло, потом подошла к окну и незаметно смахнула слезы. На улице тепло, весна.... Вспомнилась другая весна двенадцать лет назад...

Они познакомились в больнице, Маша ухаживала за тетей Полей, а Андрей пришел навестить свою мать. Он не мог глаз отвести от необыкновенной девушки с карими, «бархатными» глазами и гривой темных волос, которую она периодически поправляла. Маша тоже украдкой поглядывала на красивого парня. Они сразу понравились друг другу. Андрей проводил ее до дома. Прямо на остановке какой-то подвыпивший мужичок продавал сирень, которую, видимо, наломал рядом в парке и Андрей, не торгуясь, купил у него всю охапку. Маша, опустив голову в цветы, вдыхала неповторимый аромат и косилась на своего спутника. Высокий, спортивный, русые кудри и яркие голубые глаза. Не парень – мечта. Оказалось, жили они по соседству, обменялись телефонами и стали встречаться. Тетя Поля была рада этому знакомству. Семья хорошая, отец его был ученым в области космонавтики, в семье большой достаток, один сын, большая квартира. Машу тетка наставляла ничего не говорить про свою мать, просто сказать, что родители погибли в катастрофе. Собственно, отец действительно погиб, когда Маше было пять лет, и она стала забывать его, а про мать тетя Поля говорила, что она отказалась от нее сразу после рождения и вообще была просто «шалава». Класа до девятого Машу интересовало, как выглядела ее мать, похожа ли она на нее. Тогда тетка нашла одну фотографию, на ней была девушка лет двадцати. Маше она показалась настоящей красавицей. Темные пышные волосы до плеч, большие широко поставленные глаза, аккуратный маленький носик и пухлые губы. Где она и что с ней, тетя не знала, и Маша постепенно перестала думать о ней. Ей хорошо жилось с тетей Полей, у которой был легкий характер, и которая была ей скорее подругой. С ней можно было поделиться любым секретом, она ни разу ее не подвела. Маша уже заканчивала обучение в институте, когда у тети обнаружили опухоль. Болезнь быстро прогрессировала, операция не помогла, тетю Полю выписали домой, и Маша разрывалась между институтом,

аптекой и врачами. Андрей очень помог, он приносил продукты, подвозил в институт на своей машине и доставал дефицитные лекарства. Перед смертью тетя Поля сказала, что умирает со спокойной душой – Маша в хороших руках... Потом были похороны, защита диплома, а через несколько месяцев Андрей сказал, что родители купили ему квартиру в Москве и предложил пожениться. Маша с радостью согласилась. Она продала квартиру, оставшуюся от тети, на эти деньги молодожены купили мебель и какое-то время жили на них. Квартира была двухкомнатная с большой кухней и большой прихожей в районе Динамо. Все было замечательно, Андрей работал в коммерческой структуре, очень хорошо зарабатывал, а Маша вскоре после свадьбы забеременела и даже не пыталась устраиваться на работу. У них родился сын, Сережа. Он был слабенький, всегда бледный и худенький, оказалось, что у него врожденный порок сердца, какой-то редкий порок. Вот тут и начался кошмар. Бесконечные консультации с врачами, бессонные ночи, больницы, больницы, больницы... Маша всегда была рядом с Сережей, боясь оставить его даже на час. Конечно, ни о каком детском садике не могло быть и речи.

В своем городе у нее были школьные подруги и институтские друзья, у Андрея тоже достаточно было приятелей. Многие из них перебрались в Москву. В начале они часто перезванивались, их приглашали на встречи друзей и просто в гости, но Маша всегда отказывалась, Андрей ходил один. Потом звонить стали реже, за последние два года звонков не было вообще. Маша не обижалась на них, вся сосредоточившись на сыне.

Сережа был на редкость способный мальчик, он хорошо учился, хотя за весь учебный год был в школе едва ли не три месяца. Маша помогала ему, нанимала учителей, поскольку он пропускал много занятий, старалась быть всегда рядом. Ей казалось, что в ее отсутствие с ним обязательно что-то случится. Себя забросила совсем, Андрею тоже не уделяла внимания. А недавно она стала замечать, что Андрей стал часто задерживаться, появились командировки. Он приходил веселый, пахнущий чужими духами и виски. Маше было все равно, лишь бы не приставал к ней и давал деньги на лечение. Однажды утром, собираясь на работу, Андрей вдруг заявил

— Маша, я хочу развестись. Ты сама понимаешь, что так не может продолжаться, в конце концов, не только у нас болеют дети. Ты посмотри на себя, на кого ты стала похожа? И вообще я устал от этих бесконечных слез. – Он ждал ответа, но Маша тупо уставилась в угол и молчала. – Я буду помогать вам, конечно, по мере возможности и квартиру оставляю тебе...пока.

— Поступай, как хочешь.

— Ну и славно. Завтра же поедем в суд и подадим заявление.

— Хорошо.

Она плохо помнила бракоразводный процесс, все ее мысли были с Сережей, Сереньким, как ласково она называла его. Он плохо себя чувствовал и остался один дома. Маше было все равно, что там говорили судья, адвокат ее мужа и сам муж, уже бывший. Андрей попросил ее не подавать на алименты, обещая платить деньги так. Маша согласилась.

Первое время Андрей действительно привозил им деньги и изредка звонил, потом деньги привозил водитель, звонки стали реже, а позже и деньги не стал присылать и не звонил. Маша несколько раз звонила ему сама, но неизменно отвечала женщина, в последний раз она резко отчеканила.

— В конце концов, вы прекратите сюда звонить?

— Но я звоню своему мужу... бывшему, - робко возразила Маша.

— Вот именно, бывшему. Хочу поставить вас в известность, что у Андрея другая семья, и ребенок, в отличие от вашего, здоровый, так что не звоните больше сюда. И вообще, это же унижительно навязываться, неужели вы не понимаете.

Слышать это было горько и обидно. Маша решила, что не будет больше звонить, но положение было ужасным. Она получала за Сережу пособие по инвалидности – это были копейки, а на работу не могла устроиться, нельзя было оставлять сына надолго одного. Уже давно она

заметила, что подъезд плохо убирают, и сделала вывод, что, вероятно, не хватает уборщиц. Она пошла в ДЭЗ, и предложила свои услуги, думая, что ее с радостью возьмут на эту не престижную работу и сразу выдадут ведро и швабру. Оказалось, все не так просто, все места были заняты, но обещали позвонить, если что появится.

Положение становилось просто безвыходным, и тогда Маша решила сдать квартиру, вернее одну комнату. Собственно этот вариант ей подсказала соседка с первого этажа, Зинаида Александровна. Соседей она знала плохо, только здоровалась при встрече. Когда Сережа был совсем маленький и лежал в коляске, на прогулке к ним присоединялась молодая женщина Татьяна из соседнего подъезда, у нее тоже был сын на два месяца постарше. Но когда дети подросли, Татьяна отдала своего Максимку в детский садик, иногда в выходные дни они вместе гуляли, но Сережа быстро уставал, и Максимка над ним смеялся, называл слабаком и хлюпиком, а потом нашел себе других приятелей. Татьяне было неудобно, и она стала избегать встреч с Машей. У Сережи не было друзей, он один играл в песочнице, а потом они стали уходить в парк. Там они часто встречали Зинаиду Александровну. Вначале они просто здоровались, потом стали прогуливаться вместе, в хорошую погоду сидели на лавочке и наблюдали, как маленький Сережа кормит голубей. Иногда они перекидывались парой слов, иногда соседка предлагала Маше помощь, оставалась с Сережей, пока та сбегает в магазин. О себе никогда ничего не рассказывала, всегда была сдержана и молчалива. Маша знала только, что она живет одна, не работает, хотя и не пенсионного возраста. И еще она поняла, что Зинаида Александровна не москвичка, у нее был небольшой акцент, и она нелестно отзывалась о москвичах. Спрашивать, откуда она приехала, Маше было неудобно. Она считала, если человек не говорит о себе, значит, не хочет. Сама Маша тоже о себе не распространялась, но когда после развода осталась совсем без средств, пожаловалась соседке. Тогда Зинаида Александровна и посоветовала сдать комнату и даже привела жильцов. Это были двое мужчин, как потом выяснилось, кавказцев, неразговорчивых, но вежливых и аккуратных. Они часто уезжали по делам, иногда чуть ли не на месяц, но деньги платили исправно, а иногда к ним приходили какие-то люди, вот как сегодня.

— Ой, Серенький, забыла тебе сказать – мне же позвонили из ДЭЗа, сказали завтра прийти – освободилось место. Очень удобно, я буду к тебе заглядывать каждый час. Хорошо?

— Тебе будет тяжело, мам.

— Но нам нужны деньги на продукты и на лекарства.

Сережа грустно улыбнулся и как-то по-взрослому сказал

— Мам, не надо лекарств, мне все равно ничего не поможет, ты же знаешь.

У Маши перехватило горло, она быстро вышла – поняла, что сейчас заплачет. На кухне погремела кастрюлей и, сделав несколько глубоких вдохов, вернулась к сыну

— Ты что такое говоришь? Что за чушь? Завтра мы едем на консультацию в кардиологический центр.

— Мам, мы уже были там сто раз.

— Значит, поедem в сто первый. Будет принимать какой-то новый профессор, я все равно уже направление взяла и записала тебя.

— Хорошо, поедem, - покорно согласился Сережа, - только давай не будем деньги тратить на такси, я и так доеду. – Видя, что она собирается возражать, быстро добавил, - и потом, я так давно не ездил в метро и не выходил никуда. Если вдруг станет плохо, возьмем где-нибудь машину.

Маша заколебалась, но, поразмыслив немного, согласилась с доводами сына.

Рано утром Маша сходила в ДЭЗ, ей объяснили, что надо делать, выдали халат, веник, совок, швабру, сказав, чтобы с завтрашнего дня выходила убирать первый и второй подъезды. Маша обрадовалась – в первом жили они, и это было очень удобно.

Дома, накормила Сережу завтраком, сама быстро что-то доела за ним, выпила кофе и погладила Сережину рубашку. Когда стала выбирать наряд для себя, оказалось, что ей все жутко велико. Неужели она так похудела? Она посмотрела на себя в зеркало – когда-то румяное лицо побледнело, волосы отросли ниже плеч. Маша вздохнула, раньше у нее была стильная стрижка и модные тогда «перышки». Она расчесала волосы и просто скрутила их в пучок, заколов шпильками. Она приблизилась к зеркалу – карие глаза, черные ресницы, брови с изгибом, но под глазами темные круги, и кожа сухая, она давно не покупала кремов, наверное, надо все-таки мазать. Провела щеткой по волосам. На висках заметила седину, расстроилась, но тут же усмехнулась своему отражению. Для кого закрашивать, для кого наряжаться?

— Мам, какая ты красивая, особенно, когда волосы распустишь. Зачем ты их в пучок убрала, как старушка? Вот так лучше. И нарядись, а то я пойду нарядный, а ты?

— Хорошо, хорошо, конечно наряжусь.

После нескольких примерок остановилась на светлой блузке и юбке, та была на резинке и, значит, не спадет. Сверху надела кожаный плащ, правда, весьма потертый, но заметно это было только вблизи, а так вроде ничего. Сереже надела новую куртку, пришлось купить, у старой рукава совсем короткие стали и новые кроссовки. Он посмотрел на нее синими яркими глазами – Маша улыбнулась, такой красивый, не удержалась и обняла его. Он слегка отстранился, последнее время он не очень любил эти нежности, и сам придирчиво оглядел ее.

— Классно, - наконец, выдал он. – Мам, а почему ты губы не красишь?

— Да у меня и помады, наверное, нет. Хотя... - Она открыла тумбочку, вытащила старую косметичку, порылась в ней... — Вот, нашла. Только, боюсь, очень яркая. Ну как? – Она мазнула по губам и обернулась к сыну. Он в ответ восхищенно присвистнул, а Маша засмеялась. – Все, поехали, а то мало ли что.

Доехали они нормально, правда, в какой-то момент Маша забеспокоилась, ей показалось, что Сережа сейчас упадет, как назло, в метро не было свободных мест. Она наклонилась к одной девушке с просьбой уступить место. Девушка неохотно встала, но рядом сразу же встрепенулась пожилая женщина.

— Вот, вот, уступай им место, дармоедам. Он что, перетрутился очень, задницу отсиживал в классе? Или во дворе мяч гонял, притомился? Они-то небось, никогда старшим места не уступят, так их воспитывают. – Женщина еще что-то

говорила, наверное, обидное, но Маша старалась не слушать, а вскоре им надо было выходить. На улице Сереже стало лучше, в автобусе, слава Богу, мест было много, Сережа с жадностью смотрел в окно

— Смотри, мам, уже тюльпаны высадили... Смотри, какой дом большой построили, а в прошлый раз его не было... А это что? Кинотеатр? Давай сходим в кино? Не сегодня, а как-нибудь?.. Нам сейчас выходить, да?

Выйдя из автобуса, не спеша, направились к Центру. Почти у самого входа их обогнал большой автомобиль. Они увидели, как водитель, открыл заднюю дверцу, и оттуда появился высокий представительный мужчина с красивой шевелюрой. Водитель захлопнул дверцу и побежал вверх по ступенькам, чтобы открыть ему дверь. Мужчина легко взбежал по ступенькам и тут заметил их. Он остановился, подождал, пока они поднимутся, и сам придержал для них тяжелую дверь. Маша смутилась и поблагодарила. Они вместе прошли в гардероб. Пока Маша искала мелкие деньги, чтобы взять в автомате бахилы, мужчина уже протянул им два пластмассовых шарика.

Маша хотела отказаться, но он уже скрылся в лифте.

— Здорово, мам, вот всегда бы так было, - радовался Сережа, - а я знаю, почему он так поступил.

— Почему?

— Потому что ты ему понравилась.

— Глупости, Серенький, - отмахнулась Маша.

— Ничего не глупости, я видел, как он на тебя смотрел.

— Ладно, нам на шестой, кажется, - она полезла в сумку за направлением, а Сережа нажал на кнопку лифта.

Профессор долго осматривал Сережу, читал историю болезни. Он рассматривал снимки, подробно расспрашивал, слушал и, наконец, сказал, что надо делать операцию, и Сережа будет практически здоров. Такую операцию можно сделать в Германии, но это стоит больших денег. Зато потом гарантирована нормальная жизнь. Когда он назвал сумму, у Маши упало сердце. Где взять столько денег? Но, глядя на Сережу, как он обрадовался, даже разругался, она решила, что найдет деньги любым путем. Вот придет домой и спокойно все взвесит и обдумает, выход обязательно найдется. Главное – болезнь излечима.

— Мам, а где мы деньги возьмем? – Они стояли на улице, соображая, в какую сторону идти.

— Что-нибудь придумаем, Серенький. Можно квартиру продать.

— А где же мы жить будем?

— Ну, купим на окраине или в Подмоскowie, там подешевле жилье, придумаем что-нибудь. Ты как себя чувствуешь? Может, машину возьмем?

Послышался шум тормозящего автомобиля, Маша невольно шарахнулась в сторону.

— Вам в какую сторону? –

— Нам к «Динамо», - опередил ее Сережа.

— Садитесь, мы вас подвезем, нам по пути.

— Нет, нет, спасибо, - Маша с укором посмотрела на сына, - мы сами доберемся.

— Ну, мам, - Сережа просительно заглядывал ей в лицо.

Мужчина вышел и открыл им заднюю дверцу, а водитель уже держал открытой переднюю дверь для него. Маше показалось неудобным теперь отказываться, и она неловко вслед за Сережей залезла в салон. Внутри машина поразила размером, у Андрея тоже был большой автомобиль, но этот был куда больше и, наверное, дороже. Сережа везде сунул свой нос и громко восхищался. Мужчина с улыбкой слушал, ему была приятна эта непосредственность.

— А у папы тоже большая машина, но не такая, конечно. У него «Ауди», да, мам?

— Я не знаю, - отозвалась Маша.

— А что же папа вас не подвез на своей «Ауди»? – Поинтересовался мужчина и заметил, как мальчик сразу насупился, а женщина растерянно искала ответ.

— Потому что он с нами не живет, - не дал ей ответить сын, - давно не живет ...и даже не звонит.

Последние слова он пробурчал себе под нос, но мужчина услышал. Значит, папы нет? Он украдкой бросил взгляд на женщину. Она делала вид, что смотрела в окно. Почему-то ему вспомнилась Юлька – его дочь. Что-то было у них общее.

— Как тебя зовут? – Он обратил внимание на болезненный вид мальчика.

— Сережа ... Калинин.... А вас?

— Владимир Анатольевич Беляев, вот моя визитная карточка, держи, - он протянул Сереже глянцевый кусочек картона, и пока тот внимательно читал, что там написано, вприсильно посмотрел на женщину - простите, а как зовут вас?

— Маша... то есть, Мария Сергеевна.

— Очень приятно, Мария Сергеевна. Сережа, - он опять обратился к мальчику, - ты в каком классе учишься?

— В пятом, но я редко в школу хожу, я больше болею.

— А что вам сказал сегодня профессор Скулович? – Он поймал Машин удивленный взгляд и пояснил, - я видел, как вы выходили из его кабинета. Я знаю, он очень хороший специалист.

— Да, мне тоже так показалось, - тихо заметила Маша и опустила глаза. Мужчина так пристально ее разглядывал, что она совсем смутилась.

— Он сказал, что я поправлюсь, надо только операцию сделать.

— Замечательно.

— Мы приехали, - внезапно сказала Маша

— Мам, нам же еще повернуть нужно

— Сережа...

— Сергей, давай руководи, говори, куда ехать. Николай Васильевич вас до дома довезет.

Беляев помог им выйти из машины

— На каком этаже вы живете?

— На третьем, квартира номер 12.

— Сережа..., - Маша стояла пунцовая, сын никогда ни с кем так не откровенничал

— Можно в гости зайти... как-нибудь? – Вопрос был адресован сыну, но смотрел он в упор на Машу. Она отрицательно покачала головой и заторопилась.

— Спасибо большое, что подвезли. До свидания. – Быстро набрала код и буквально втокнула туда сына.

Беляев немного потоптался на месте, решительно развернулся и сел в машину. Чего она так испугалась? Взрослая женщина... Сколько ей лет? Выглядит лет на тридцать, нет, судя по сыну, пожалуй, немного старше. Красивая женщина, но совсем не ухоженная. Он заметил руки без маникюра, седину на висках, заметил и потертый плащ, и немодные туфли, и еще очень худенькая. Беляев предпочитал женщин с формами, но эта чем-то зацепила его, черт его знает, чем. Мальчик чудесный и, видимо, очень болен, кожа совсем прозрачная в синеву.

Николай Васильевич искоса наблюдал за Беляевым. Ну и дела! Что с мужиком-то творится? Влюбился, что ли?

— Я прождал ее почти час. Почему она не пришла?

— Наверное, что-то помешало. Следующая встреча в «Ашане». Если и туда не придет, значит, будем выяснять через своих друзей оттуда, что случилось.

— А сейчас нельзя выяснить?

— Не надо лишний раз напоминать о себе. Успокойся, она появится, она обязательно что-нибудь придумает.

- Еле дождался, пока отойдет эта мартышка. Должен заметить – это ловкий ход прийти с ней.

Он появился, пока я читала журнал, пытаюсь понять, чем отличаются «Пежо» от «Рено». Все началось с того, что Наташка в последнее время превратилась в рачительную хозяйку. У Петьки неважно пошли дела – снизился уровень продаж, и Наташка запаниковала. Вообще-то и мы с Лариской тоже забеспокоились, Лариска, потому что Витька работал вместе с Петькой, а я просто, потому что мне передалось их беспокойство. Зато в нашем женском клубе, где мы все работали, все было хорошо. Тьфу, тьфу, тьфу. Так как мы решили немного сократить наши расходы, то перестали посещать нашу любимую «Азбуку вкуса». Ну разве иногда заезжаем купить какой-нибудь деликатес. Теперь раз в неделю мы ездим в «Ашан» - должна заметить, разница чувствуется. Единственно, что мне здесь не нравится – это место, где можно подкрепиться. Согласитесь, самое приятное после покупок куда-нибудь завернуть перекусить, спокойно посидеть, неторопливо полистать меню, сделать заказ, пока его принесут обсудить какие-то проблемы, покурить, хотя с этой привычкой мы стараемся бороться. Но здесь много минусов: во-первых, не покуришь, во-вторых, еды полно, но она вся бесполезная, в-третьих, нет официантов. А самый главный недостаток – нельзя расслабиться, потому что рядом стоит

полная всякой всячины тележка и бдительным оком надо следить, чтобы никто ничего оттуда не умыкнул, а таких любителей здесь предостаточно – сама однажды видела.

Сегодня, оставив Лариску на работе, мы с Наташкой выехали пораньше специально, чтобы заехать в «Ашан». Мы уже все купили, тележки, как всегда, были с горочкой, теперь остался самый приятный момент – перекусить. Пройдя вдоль «обжорного ряда», остановились на итальянской кухне. Взяв лепешки, свернутые в кулечки с ананасом и курицей внутри, долго выбирали место, с тележками удобнее сесть только где-нибудь с краю. Наконец, такой столик нашелся, и мы с удовольствием поставили подносы. Наташка вдруг скривилась и пошла искать туалет, а я от нечего делать, достала из Наташкиной сумки какой-то автомобильный журнал. Вот тогда-то ко мне и подошел этот тип с большим родимым пятном на щеке, довольно неприятным, и что-то там сказал про мартышку. Я нахмурилась и хотела оскорбиться, но он бесцеремонно присел за наш столик, покосился на полные тележки и одобрительно хмыкнул. Я не поняла, чем его так порадовал набор продуктов, и, собираясь с мыслями, приготовилась его отчитать, но, видимо, мои мысли долго собирались, потому что он меня опередил.

— Что с вашими волосами? Зачем вы перекрасились? – Я оскорбилась еще больше и собиралась возразить, что я – натуральная блондинка и никогда не красилась и вообще это не его дело, но он опять меня опередил.

— Вот код ячейки. Заберете оттуда и сразу со мной свяжитесь. Телефон изменился, записан внизу, не забудьте уничтожить. Пока это все.

Он встал и просто испарился, а я осталась сидеть перед бумажкой с какими-то циферками. Черт! Он же наверняка отвлекал меня, а в наших продуктах уже кто-то орудовал. Я быстро оглянулась на наши тележки – вроде все цело, тогда вообще непонятно, что ему надо было.

— Ну вот и я. Ты что, решила Петькин журнал почитать? – Наташка лучезарно улыбалась ямочками и, рассматривая поднос, заметила – Знаешь, надо бы еще кофейку выпить с мороженым. Ну, это потом. А ты что такая странная? Может, тебе тоже туда надо?

— Куда? – Тупо переспросила я.

— Да в туалет. Ты что, в самом деле? – Наташка пристраивалась отрезать пластмассовым ножом кусочек лепешки, но, скривившись, бросила это занятие, взяла кулечек в руку и откусила – А знаешь, совсем неплохо. Я бы даже сказала, вкусно. Птичка! Ку-ку! Ты что, ушла в себя и заблудилась?

Не ответив, я последовала ее примеру, а сама все поглядывала на загадочные циферки, потом решительно смяла бумажку и бросила на поднос.

— Что это? – Кивнула Наташка.

— Так, какая-то ерунда. Представляешь, пока тебя не было, ко мне подсел какой-то тип

— Ого! Ну-ну, продолжай. Кадрился?

— В том-то и дело, что нет, - отмахнулась я и задумалась. А, правда, что он от меня хотел. Сказал про мартышку, про волосы. Надо было спросить, идет мне или нет. Фу ты, вот балда!

— Птичка! Да что с тобой? Ты какая-то заторможенная. Ну, рассказывай, что за тип

— Да, так, малахольный какой-то. Сказал, - я запнулась на мартышке, не стоит обижать подругу, - сказал, зачем я перекрасилась и еще, что телефон изменился

— Чей?

— Не мой же, видимо, его.

— Так все-таки кадрился?

— Нет!

— А что же тогда ему надо было, что-то я не пойму?

— Я сама не понимаю, спросил, зачем я перекрасилась. В общем, чушь, не хочу всякой ерундой забивать себе голову, итак проблем хватает.

— Это точно, - вздохнула Наташка и принялась активно жевать. – Слушай, а ничего эта штука, да? Только теста многовато, - она вытерла рот салфеткой, бросила ее на поднос, заметила там скомканную бумажку и положила перед собой.

— Ого! – Вдруг произнесла она и уставилась на кого-то у меня за спиной.

— Не оборачивайся, - прошептала она и стала рыться у себя в сумке, а я заерзала после ее слов, так и подмывало обернуться. Наташка достала зеркальце и протянула мне – Поправь макияж.

— У меня свое есть, - пробормотала я, но зеркальце взяла и уставилась на свое отражение. Ну и что у меня с макияжем? Помаду немного съела, сейчас исправим. Я полезла за помадой, а Наташка прямо вся скривилась. Ага, наконец до меня дошло, что она хотела. Подняв зеркальце к лицу и, делая вид, что смотрю на свое отражение, навела его на соседку за спиной. Я увидела молодую женщину, сидевшую в профиль, очень интересную и хорошо одетую. Вот она оборачивается, вроде ищет кого-то. Что это? Она жутко на кого-то похожа. Не пойму, на кого? На мамулю, что ли? Я закрыла зеркало и отдала Наташке, которая просто пожирала ее глазами.

— Ну, что, пойдём?

— Подожди, - зашипела Наташка.

Чего ждать? Все поели, хотели еще кофе выпить. Долго она будет пялиться на эту девку? Подумаешь, похожа на кого-то, ну и что? Я заерзала, а Наташка буквально просверлила меня взглядом. Ладно, черт с тобой, посижу еще.

— Умница, - похвалила меня подруга, - ты посиди, журнальчик посмотри, а я сейчас кофейку принесу.

Я хотела возразить, но она быстро сунула мне под нос журнал и ткнула в страницу. Я заинтересовалась и стала читать. Наташка вернулась нескоро, я успела прочитать про «Мазду» и «БМВ».

— Вообще-то интересно, но непонятно, - я недовольно отодвинула журнал, а она ставляла на столе чашки с кофе и стаканчики с мороженым.

— А ты думала, что в этих журналах романы печатают? Просто я хотела, чтобы ты сидела тихо, и соседка не заметила, как ты на нее похожа.

— Кто? На кого?

— Ты на нее или она на тебя. Без разницы. Расслабься, она ушла.

Я обернулась – соседний столик был пуст.

— Ты хочешь сказать, что мы с ней похожи?

— Наконец-то дошло. Я думаю, что тот тип неспроста к тебе подсел, он просто вас перепутал

— Глупости! Не настолько мы и похожи, тем более я блондинка, а она брюнетка. Кстати, мне тоже пошел бы темный цвет. Может, мне покраситься, как думаешь?

Наташка задумчиво развернула бумажку, которую дал мне незнакомец и вертела в руках.

— Ну-ка, расскажи подробно, как он к тебе обратился?

— Как обратился? Вежливо так, на вы. Да, точно, на вы.

— Давай все по порядку

Я замешкалась, если по порядку, придется вспомнить про мартышку. Так, надо просто слово заменить.

— Я читала твой журнал, ... Между прочим, совсем непонятный

— Птичка! погоди ... А ведь она листала точно такой же журнал ... Ну-ну, давай дальше.

— Так вот, я читала и не заметила, как он появился. Та-ак, что он сказал? А-а, он сказал, что это ловкий ход, придти с подругой

— А ты что?

— А я слушала

— Молодец, а дальше?

— Дальше он сказал, зачем я перекрасилась... Ой! Наташ, он же, наверное, меня перепутал с этой брюнеткой. Неужели мы так похожи?!

— Похожи, похожи, не отвлекайся. А потом что он сказал?

— Ничего, то есть дал эту бумажку и сказал, что там записан код ячейки

— А точнее?

Все-таки она пиявка! Вот прицепилась! И с какой стати я должна перед ней отчитываться?

— Все. Отстань, точнее не помню. Нет, подожди, вспомнила... Вначале он сказал: «Вот код ячейки», а потом сказал, что его телефон изменился... А-а! Да! Он сказал, что надо забрать и ему позвонить. А телефон изменился, но там записан внизу. Что ты так смотришь на меня?

— Ты представляешь, что это может быть? Господи! Ты даже не представляешь!

— Наташ, ты так радуешься, как будто клад нашла.

— Вот! – Он торжествуя на меня посмотрела. Я не поняла, но, на всякий случай, многозначительно кивнула.

— Да? Поняла? Это же могут быть деньги или какие-нибудь ценности

— Почему деньги-то?

— А что? Что еще надо прятать в ячейке?

— Например, ...вещи, может, аппаратура.

— Тоже неплохо, - великодушно заметила Наташка, - но лучше денежки.

— Постой, ты хочешь сказать, что мы присвоим себе чужие вещи?

— Ой, ой, ой! С каких это пор мы стали такие щепетильные?

— Это же, наверное, ее вещи, этой, которая на меня похожа.

— Не думаю. Он ведь просил это забрать и потом позвонить ему. Значит, это его.

Интересно, почему он сам не может забрать? Над этим стоит подумать. Ну все, пошли.

— А мороженное?

— Господи! Ты что, еще не доела? Знаешь, отказываясь от обеда, ты обеспечишь себе вкусный ужин. Ладно, давай быстрее, сейчас в пробку попадем, - и пробурчала под нос, - хотя с тобой, если не в пробку, то обязательно в историю какую-нибудь влипнешь.

Я прекрасно все расслышала, но возражать не стала, ни за что не буду расстраивать себя во время еды.

В субботу к нам приехали Юлька и Люба. С ними мы познакомились на кладбище. Юлька навещала могилу своей мамы, а Люба ее единственная подруга и соседка. Оказалось, что Юлька наша дальняя родственница. Совсем недавно ее нашел отец, Беляев Владимир Анатольевич, а еще Юлька и Юра полюбили друг друга и скоро у них должна состояться свадьба. Люба, которая помогала Юльке, когда та осталась совсем одна, тоже собралась замуж. Так уж получилось, что Юльку нашел и ее дядя Яша из Израиля, и он влюбился в Любу. Обе пары решили пожениться в один день.

У нас получился замечательный девичник. Мы обсуждали очень серьезные темы, а их было немало: во-первых, где будет свадьба, во-вторых, какие будут платья у невест, в-третьих, кто будет свидетелями, в-четвертых, какие заказывать машины, цветы и так далее.... Жаль, что это знаменательное событие произойдет нескоро, Юлька хотела вначале защитить диплом. Ничего, зато будет время на подготовку.

Вечером вместе с Сашей приехал и Юра. В последнее время он редко появляется у нас, у него теперь свое сыскное агентство. За эти годы я так к нему привыкла, просто родной человек. Но, подозреваю, что ко мне он таких чувств не испытывает. Нет, он ко мне хорошо относится, но как-то всегда настороже, как будто ждет от меня неприятностей, а с моим мужем просто

«не разлей вода». Ну и ладно, я не обижаюсь. Зато, если мне понадобится помощь, Юра всегда откликнется.

Первого Мая в нашем клубе по установившейся традиции будет мужской стриптиз. Конечно, мы пригласили Юльку и Любу.

— Опять стриптиз?! – Возмутился Юра. – Саш, как ты это терпишь?

— Я привык, поверь, это даже неплохо, – Саша подмигнул ему и повел в кабинет.

— Вот интересно, что они там обсуждают? – Проявила интерес Наташка.

— Все равно, у нас интереснее, – заметила Лариска.

И она права. Разве можно сравнивать наши важные женские проблемы и дурацкие мужские?

В воскресенье с утра нам позвонила мамуля, сообщила, что они все сегодня обедают в ресторане у Левочки, и предложила нам присоединиться. Но Саша уехал раньше, ему надо было кое с кем встретиться, а я пока наряжалась, немного припозднилась и, не успев войти в ресторан, как раздалось

— Абрам!! – Посетители, как по команде обернулись в мою сторону. Надо принять отстраненный вид, как будто это обращение не ко мне. Не тут-то было, надо знать Левочку.

— Абрам, наконец-то! Почему так поздно, все уже собрались. Давай свой жакет. Да, должен заметить, Абрам, ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, ты тоже, – процедила я, краем глаза следя за окружающими.

Одни недоуменно пожимали плечами, другие улыбались, третьи удивленно таращились на меня и перешептывались. Может, они решили, что я... этот... трансвестит. – Левочка, – пропела я ласково, задержавшись у вешалки, – послушай, почему все-таки Абрам? Ты не мог бы подобрать мне другое прозвище, раз уж тебе так мое имя не нравится.

— Хорошо, – добродушно согласился Левочка, – знаешь, я сейчас вспомнил своего дядю из Харькова. Его звали Сруль Мордухаевич Зильберман. – Он оставил меня и резво поскакал к бармену. И пока я переваривала информацию, для чего Левочка сообщил мне имя его дяди, кстати, совершенно неудобоваримое, он заорал на весь зал

— Срулик!! Ты какой коктейль будешь пить?

Тут уж не только посетители, но и все наши в изумлении уставились на меня, а я просто остолбенела. Это что ж такое? Сруль?! Теперь я– Сруль? Господи, так Абрам – это просто счастье. Я быстро подошла к Левочке и, широко улыбнувшись, доверительно сказала

— Знаешь, я так привыкла к Абраму. Давай оставим все, как прежде. Абрам, так Абрам. А что? Отличное имя. Да?

— Ну, как хочешь, – невозмутимо пожал плечами Левочка. – А зря ты от Сруля отказалась. Так по дяде соскучилась.

За нашим столом уже все хохотали, надеюсь, не надо мной.

Я заняла место рядом с Сашей и Нинкой.

— Срулик, передай, пожалуйста, мидии. – Ну, думаю, началось

— Нинка! Ты тоже решила надо мной поиздеваться? Впрочем, мне уже все равно, называйте, как хотите. Держи свои мидии.

— Ладно, не обижайся, останешься Абрамом.

— Объясни, почему тебя он называет приличными именами, а меня черти как?

— Знаешь, это необъяснимо. У него странные ассоциации.

— Но почему именно я ассоциируюсь у него с Абрамом?

— Не бери в голову.

Им хорошо, «не бери в голову», а я весь обед ловила на себе удивленные взгляды окружающих и сдерживаемые смешки.

Погодка стоит классная. Солнышко греет, листья начали распускаться. На кустах уже распустились, а деревья были в такой серо-зеленой дымке. Самое лучшее время в году. Я была на работе, когда позвонила наша бухгалтерша и попросила привезти какие-то недостающие бумаги в банк на проспекте Мира. Лариска была занята, а Наташка сделала вид, что ничего не слышит. Когда я вызвалась отвезти документы, она быстро вышла из состояния задумчивости и сказала, что ей надо сделать кучу звонков. Собственно, на улице было так хорошо, что я с удовольствием решила прогуляться пешком, без машины. Просто прокатиться на метро. Но когда на эскалаторе спустилась вниз, сразу потужила о своем благородном порыве. Народу полно, все толкаются, меня просто отпихнули от дверей вагона, но я решила не обижаться, в конце концов, я не спешу, а люди торопятся. Даже когда мужчина, дыхнувший в лицо перегаром и чесноком, буквально придавил меня своим туловищем, я не возмутилась, а, с сочувствием поинтересовалась

— У вас, наверное, руки болят?

— Это почему же? – Прохрипел он в ответ

— Вы не можете держаться руками, предпочитаете облокачиваться на меня. Я не возражаю, если вам тяжело, я вас поддержу какое-то время, но, знаете, я не очень-то сильная, надолго меня не хватит.

— Извините, я не хотел.

Ну вот, главное – не дать выплеснуться своим отрицательным эмоциям, и человек все понял. Прямо передо мной сидела бабулька с каменным лицом и недовольно сдвинутыми бровями. Я доброжелательно ей улыбнулась. Она моргнула и невольно улыбнулась в ответ. Довольно симпатичная старушка. Но мне уже пора выходить, на пересадку. Господи! Сколько народу! Главное не поддаваться панике. Так, надо вспомнить, как себя вести в толпе. Я храбро вошла в поток и расслабилась. Все. Теперь думать о хорошем и просто идти. В этот миг меня больно толкнули в спину. Я притормозила и уступила дорогу

— Извините, пожалуйста, если помешала.

— Это вы извините, меня сзади толкнули, а я нечаянно вас.

Все в порядке – вот и желанная станция. Опять толпа перед поездом, опять тесный вагон. Непонятно – вроде сейчас не «час пик», куда все едут-то?

Наконец я вышла из этого грязного, душного, пахнущего потом и пылью, подземелья. На улице, показалось, стало еще лучше. Воздух... Хотя, какой уж тут воздух? Одни машины, газующие в пробке, но все равно хорошо. Одним словом, весна. В банке я быстренько отдала нашей бухгалтерше бумаги, она что-то сверяла и бормотала себе под нос. Убедившись, что все в порядке, я ушла из банка и пошла пешком в сторону Колхозной площади. Может мне не стоит спускаться в метро? Я остановилась, раздумывая, как быть, и тут краем глаза заметила высокого интересного парня. По-моему, он идет за мной. Кажется, хочет познакомиться. Нет, дорогой, ничего не выйдет, я замужняя женщина и вообще... Нет, все-таки поеду на метро, пешком очень далеко тащиться, а такси смысла нет брать – пробка ужасная. Я вошла в вестибюль и стала рыться в кошельке, подняла глаза – парень стоял рядом. Ну вот, сейчас подойдет, и начнется совершенно ненужный разговор. Приложив билет к красному глазку, я уже сделала шаг вперед, когда меня остановил милиционер.

— Что такое? Я что-то не так сделала?

— Пройдемте с нами – Передо мной стоял парень, который шел за мной.

— С вами? С какой стати я с вами куда-то пойду? – Но тут же осеклась – рядом появился еще один парень, непонятно откуда взявшийся и, меня, как преступницу, впереди милиционер, по бокам два парня в костюмах, повели в комнату милиции.

— А в чем дело? Я не тот билет приложила? Да что я сделала?

Но сопровождающие молчали, а у меня почему-то стали подгибаться ноги. Господи! Не помню, чтобы я так волновалась, даже, когда защищала диплом, и один лысый дядька парали-

зовал меня взглядом, а мне было страшно, и я улыбалась изо всех сил, чем в конце концов, смягчила его сердце. Он перестал цепляться и задавать каверзные вопросы. Сейчас тоже надо взять себя в руки и собраться. Быстро вспомнить, что я натворила. Меня уже доставили на место, а в голову так ничего и не пришло. Неужели я не совершила ни одного проступка? А вдруг это связано с кем-то из моих близких?

— Быстро отвечайте на мои вопросы. — Передо мной за столом сидел мужчина в сером костюме и в очках.

— Скажите, пожалуйста, в чем дело? И вообще, что я натворила? Может, я сказала что-то не то?

— Служба ФСБ — Он развернул удостоверение, в котором от волнения я все равно ничего не увидела, и строго продолжал — Отвечайте быстро. Итак, фамилия, имя, отчество...

— Птичка... то есть, Петровская Светлана Михайловна.

И дальше, в том же духе, мне задавали вопросы, я отвечала, и все больше нервничала.

— Послушайте, позвоните моему мужу, и все сразу выяснится. В конце концов, это глупо спрашивать меня одно и то же, проще позвонить моим родственникам или на работу...

— Где вы родились?

— Где? ...А ну да, ... на Соломенной Сторожке.

— Что за сторожка? Где это?

— Как где? В Москве, разумеется. Если вы не москвич, тогда, конечно, вы не знаете.... Да что такого я сказала?.. Нет у меня документов. Какие были, я отдала сейчас в банк, а больше ничего нет... Паспорт? Зачем я буду таскать с собой паспорт? Чтобы потерять его? А вообще он у меня остался на работе... нет, наверное, в машине лежит... Что значит, где машина? ... Она осталась у клуба, там, где я работаю. Почему пешком.... Просто... Просто погулять захотелось, знаете весна, и все такое. Опять документ... Ну нет у меня никаких документов!

— А вы знаете, - противным голосом начал он, - что, если у вас нет документов, мы имеем право, вас задержать на трое суток до выяснения личности.

— Ну так выясняйте быстрее, меня, между прочим, на работе ждут.

Мужчина в очках вышел из комнаты, я оглянулась — сзади стоял милиционер. Улыбнувшись, я попросила разрешения позвонить, но он только покачал головой. Дверь открылась, вошел тот же мужчина и еще один совершенно лысый. Он пристально меня рассматривал, я заерзала.

— Здравствуйте, ответьте на несколько вопросов, пожалуйста.

Культурное начало, ничего не скажешь

— Пожалуйста, пожалуйста, мне не трудно, спрашивайте

— Итак, вас зовут...

— Птичка, то есть, Светлана...

— Почему вы сказали Птичка?

— Это прозвище.

— Интересно... Значит, Птичка ... У вас есть еще прозвища?

Я задумалась, стоит упоминать про Абрама или нет, а он прямо впился мне в лицо

— Говорите все.

Я вздохнула, ну все, так все

— Итак, Птичка... еще?

— Еще Абрам, но так называет меня только один человек...

Мужчина часто заморгал и выглядел озадаченным

— Почему Абрам? Кто этот человек?

— Это муж моей двоюродной сестры Нинки, Левочка. А почему Абрам, совершенно непонятно.

— Хорошо, оставим это. Еще?..

Интересно, а про Сруля надо упоминать или это лишнее, но он, видя мои сомнения, строго бросил

— Говорите!

Ну что ж, пусть вам будет хуже.

— Сруль!

— Как?!

— Сруль. Дело в том, что я попросила Левочку не называть меня Абрамом, ну знаете, все-таки я девушка, а тут мужское имя, да еще такое мм... своеобразное, но тогда Левочка вдруг вспомнил своего дядю, Сруля Мордухаевича Зильбермана. Возможно, я что-то путаю, не знаю, как точно...

— Встаньте!

— Что?

— Встаньте, пожалуйста, - «пожалуйста» он процедил сквозь зубы.

Я встала, хотя, честно скажу, ноги подкашивались. Дядька смотрел на меня, задумавшись

— Вы не могли немного пройтись?

— Конечно, хотя походка у меня сейчас будет несколько напряженная, поскольку я очень волнуюсь.

Я прошлась по комнате, мужчина подошел ко мне и быстро сказал

— Сбежала очень опасная преступница, вы на нее поразительно похожи. Извините, можете идти.

Хорошенькое дело, «можете идти». А как идти, если ноги не слушаются? Так, быстро собраться, взять себя в руки. Я выпрямилась, вскинула подбородок, небрежно кивнула и вышла.

Спускаясь на эскалаторе, я без конца оглядывалась, все казалось, что за мной следят. Зайдя в вагон, я окинула бдительным оком пассажиров и расслабилась только, когда какой-то ребенок показал на меня пальцем и спросил – Это строгий контролер? У нас билетика будет проверять? – Я быстро улыбнулась ребенку и покачала головой. Но всю дорогу до клуба я озиралась и пристально вглядывалась в прохожих. Конечно, не успев подняться в наш кабинет, с порога стала рассказывать про свое задержание. Ха, ха, ха, надо было видеть Наташкину рожу! Даже не представляю, как она это пережила?

— Нет, ну скажи, где справедливость? Почему с ней всегда что-нибудь случается, а тут хоть пропади! Даже ФСБ стало интересоваться. Это ж надо же! На преступницу она похожа, а я только на родителей. Ларис! Может, ты тоже на кого-нибудь похожа? Ой!! Мама!!

— Ты что?! – Мы с Лариской испуганно таращились на Наташку, а она в свою очередь таращилась на меня, как на Кентервильское привидение.

— Говори быстро, что случилось, чего ты так заорала?!

— Ты что, еще не поняла, убогая?

— Грубо говоря, нет, - я раздраженно нахмурилась.

— Вспомни про «Ашан». Что там было? Вспомнила? Ну вот....

— Может, вы меня введете в курс дела, а то я как-то не в теме? – Лариска терпеливо ждала объяснений.

Я рассказала, как в «Ашане» ко мне подсел один тип и передал записку, а потом за соседним столиком появилась брюнетка, которая читала тот же журнал, что и я, и была очень на меня похожа. Она посидела немного и ушла. Все.

— Вы хотите сказать, что это была та самая преступница, которую разыскивает ФСБ?

— И которая, как выяснилось, сбежала, - уточнила Наташка

— Слушайте, это может быть все очень серьезно. Я не желаю впутываться в это дело, уже вижу по вашим мордам, что вы что-то замышляете

— Я замышляю? – Запротестовала я.

— Я не про тебя, - отмахнулась Лариска. – Ты только посмотри на Наташку, прямо загорелась в жопе сера.

— А ну вас, тут такое дело, такое дело... - Наташка не могла усидеть за столом. – Мы просто обязаны вмешаться и тем самым предотвратить преступление.

— Какое преступление? – Пролепетала я, уже понимая, что Наташка от своего не отступится.

— Как это, какое? То, что готовит эта самая преступница, на тебя похожая и этот тип, что подсаживался к тебе.

— Наташ! Это опасно и вообще... Давайте пойдем в милицию, и все расскажем, - Лариска, как всегда, была рассудительна.

— Я тоже так считаю, - я была солидарна с Лариской, надо поддержать подругу.

— Господи! Ну что вы такое говорите!? Глупости! Кто вас будет слушать в милиции?

— Тогда давай заявим в ФСБ.

— А ты знаешь, как туда попасть? – С ехидством спросила Наташка.

— Как-то ведь туда попадают. Можно у Юры спросить, пока он еще бывает у нас.

— Вот-вот, спроси у Юры. Он вцепится в тебя клещами и все выпытает.

— А я не собираюсь делать из этого тайну.

— Ты что, с ума сошла? За тобой ведь могут следить.

— Кто? – Пролепетала я, напуганная и совершенно сбитая с толку.

— И те, и эти, - авторитетно произнесла Наташка и, не давая нам опомниться, продолжала развивать свою мысль.

— Вот, когда мы узнаем, что лежит в этой ячейке, позвоним этому типу и выясним, что к чему, вот тогда можно будет сообщить Юре и в ФСБ, так сказать, принесем им на блюде с голубой каемочкой раскрытое преступление. Тебе даже могут дать награду за содействие в поимке опасных преступников, возможно, орден. Я ни на что не претендую, просто из солидарности постараюсь тебе помочь по мере сил. – Наташка скромно потупила глазки.

— На черта мне их орден? – Запротестовала я. – Мне, может, придется жизнью рисковать.

— Так на благо Отечества. Вспомни, ты же у нас всегда была патриоткой. – Видя, что я непреклонна, она добавила последний аргумент – Представляешь, как Саша будет гордиться тобой? Ты в его глазах будешь героиня... Не каждая решится на такое...

— Наташ, так нечестно, - некстати влезла Лариска, как раз самое интересное пошло.

— Подожди, Ларис, действительно, стоит подумать. Конечно, тут замышляется какое-то преступление, и наш долг – предотвратить его.

— Правильно! Умница! – Наташка скакала, как коза, а Лариска нахмурилась и для убедительности встала, возвышаясь над Наташкой. Она хлопнула по столу, прерывая Наташкины пируэты, и решительно сказала.

— Значит так, вы немедленно выкидываете эту дурь из головы, или я сейчас же звоню Юре и рассказываю, что вы тут напридумывали.

Наташка замерла, а потом сострепала невинную рожу и процитировала из «Женитьбы Бальзамина».

— «Вот всегда вы так, маменька, уж и помечтать нельзя». Ларис, ну что ты шуток не понимаешь? Я же знаю, что это опасно, что мы дуры, так рисковать? – Она стояла ко мне спиной, и показала мне скрещенные пальцы. Как будто я ей поверила. Лариска тоже, вроде, сомневалась и на всякий случай, погрозила ей пальцем

— Смотри у меня, без фокусов. Все, девчонки, поехали по домам. Птичка, ты будешь Саше рассказывать о сегодняшнем задержании?

— В начале хотела, а теперь раздумала, зачем его лишний раз волновать, у него и без меня своих проблем хватает.

— Наверное, ты права. Наташ ты со мной?

— Нет, я с Птичкой, ей без меня скучно.

— Ладно, как хочешь. Все, до встречи, пока.

Наташка прислушалась – шаги стихли. Для убедительности она открыла дверь и повертела головой в разные стороны. Мне стало смешно.

— Можно подумать, мы в разведчиков играем.

— Да, в разведчиков, - подтвердила Наташка страшным шепотом, - и не играем, а всерьез.

— Я так и знала, что всерьез, только не поняла, что надо делать.

— Для начала надо забрать то, что лежит в ячейке... Кстати, а где она находится?

— Не знаю, он не сказал. На вокзале, наверное.

— Почему ты не выяснила, где? А, что уж теперь? Придется это самим выяснить. Сколько у нас вокзалов?

— Надо посчитать. Белорусский, Казанский, Ярославский, Ленинградский

— Курский, - продолжила Наташка и запнулась. – Где-то был справочник, я точно помню.

— Она стала рыться в столе и через минуту с ликующим криком потрясала небольшой книжечкой. – Вот он, давай посмотрим. Так, так, так... Вот! Савеловский, Павелецкий, Киевский, Рижский...

— Господи, как же узнать, на каком из них?

— Придется все объездить.

— Ты представляешь, сколько на это уйдет время? – Я подошла к двери и ждала, пока Наташка оденется. Боже! Бесподобные туфли. И где она их только отхватила? – Наташка, где ты купила такие туфли?

— Не поверишь. В Детском мире. Ты что, забыла, какой у меня размер? Это у вас с Лариской самый ходовой, а у меня ножка маленькая. Ну, пошли, пошли...

Во дворе нас окликнул Миша Поздняков, директор «Фитнес-клуб», мы теперь с ним лучшие друзья.

— Что-то вы совсем пропали и на тренировки не ходите и вообще не заходите, а Ларису вообще не видно.

Мы перекинулись с ним парой слов, пообещали зайти, и я стала выкручивать, чтобы не задеть соседние машины, вдруг Наташка вцепилась мне в руку.

— Подожди!

— Что? Забыла что-то?

— Знаешь, мне пришла в голову отличная мысль. Если нам понадобится помощник, лучше Позднякова не найти.

— Ага, все больше людей будут хранить нашу тайну а вообще мне нравится ход твоих мыслей, и такой помощник нам не помешает, но, сомневаюсь, что он согласится

— Будь уверена, - усмехнулась Наташка, - согласится, как миленький. А пока давай-ка подьем на Комсомольскую площадь. Там сразу три вокзала.

— Нет, сегодня не получится, уже поздно, дома будут волноваться. Давай завтра с утра.

— Идет.... Трогай...

— Ланочка, куда подевалась та кухарка? – Поинтересовалась тетя Соня, когда все сели ужинать. – Помнишь, которая все время отлынивала от работы? – Саша громко фыркнул, а тетя, посмотрев на него неодобрительно, продолжала - Мне очень нравилась рыбка, которую она готовила, помнишь, запеченная с грибами.

Разговоры о кухарке меня несколько нервировали, поскольку напоминали, что тетя первое время упорно меня не узнавала, а принимала за кухарку.

— Я же уволила ее, но ничего, этот рецепт я знаю и приготовлю вам рыбу

— Боюсь, у тебя так не получится, - задумчиво жевала тетя, уставившись на Сашу.

Он, напротив, обожал эти разговоры о кухарке и очень веселился, поэтому немедленно включился в беседу.

— Тетя Соня, Птичка постарается, а если у нее не получится, придется пригласить старую кухарку.

— Спасибо, дружок. Хорошо, хоть на тебя можно положиться в этом доме.

Мне это нравится «хоть на тебя», ничего себе, заявльнице. Зря я не согласилась на сиделку, которую нашла мамуля. Совсем недавно она сказала, что нашла очень приличную женщину, которая согласна жить с тетей Соней и ухаживать за ней, но в последний момент мне почему-то стало ее жалко. Она уже привыкла к нам, и потом у нее здесь поклонник. Вряд ли он будет ездить к ней в Москву. Все это я высказала мамуле, и она со мной согласилась, правда посетовала – Ее, конечно, трудно выдержать, иногда она совершенно невыносима.

Да, все это так, но я сама к ней привыкла, и бабушка, и Валентина Петровна, и Владимир наверняка будет скучать. Дейзи, и та привыкла, всегда встречает ее с радостью, зная, что тетя угостит ее чем-нибудь вкусным.

После ужина, когда я складывала грязную посуду в посудомоечную машину, ко мне неожиданно подошла тетя и зашептала.

— Ланочка, тебе надо следить за мужем.

— Зачем?

— Я видела вчера вечером, он целовался с маникюршей.

— Это еще кто?!

— Ты не знаешь, ты поздно приходишь, а я все вижу.

Я понимала, что это бред ее больного воображения, тем не менее, червь сомнения уже закрался и неприятно щекотал нервы. Надо все выяснить.

— Тетя Сонечка, а где вы их видели?

— В бассейне, конечно.

— В бассейне? – Изумилась я. – Когда?

— Да буквально вчера вечером. Я пошла в бассейн, поплавать, а там они целуются.

У меня отлегло от сердца – это была я. Мы поплавали немного, а потом незаметно стали целоваться. Черт! Ведь просила же закрыть дверь, а он «Кто войдет?»

Тетя с беспокойством смотрела на меня.

— Лана, с этим надо что-то делать. Хорошие мужья на дороге не валяются.

— Да, да, тетечка, не волнуйтесь, у меня все под контролем.

Когда пришел Саша, я рассказала ему про тетины подозрения, он хохотал, как безумный и заявил, что тете цены нет. Вечером за ужином я обратила внимание, что бабушка была необычно задумчива.

— Лана, - обратилась она, - сегодня Валентине Петровне (няне моего сына Владимира) звонила дочка, просила ее приехать хоть на несколько дней.

— Конечно, я не возражаю, пусть едет.

— Я вот, что подумала, может, мне тоже стоит поехать, так хочется... - Голос у нее дрогнул, и глаза повлажнели. Саша подошел к ней и обнял сзади, прижавшись щекой к ее волосам, он ласково похлопала его по плечу.

— Знаете что, давайте я вас отвезу туда сам, возьмем с собой Юру и Владимира, а то мои родители обижаются, давно внука не видели. Птичка, может, и ты с нами махнешь?

— Нет, сейчас вряд ли получится, и потом тетю одну оставлять нельзя, а вы конечно, поезжайте. Может, я с мамулей договорюсь, она поживет у нас, а я к вам приеду. А когда ты сможешь поехать?

— Да хоть завтра. У меня как раз дела там. Все. Решено. Собирайтесь. Завтра вылетаем.

— Ты что? – Испугалась бабушка. – Надо же собраться. Давай послезавтра.

— Хорошо, договорились...

На следующий день я даже на работу не пошла, столько дел надо было переделать. Владимир хотел взять с собой все свои паровозики. Большого труда стоило его уговорить взять только два, самых любимых. Саша обещал ему купить в Петербурге много паровозов и еще обещал показать корабли.

Накануне вечером к нам приехала мамуля, она сообщила, что пока наши не вернутся, она поживет у нас. Рано утром мы с ней вышли на улицу проводить отъезжающих, неожиданно окно на втором этаже с шумом открылось, и показалась тетя Соня. Она вдруг вытащила огромный белый платок и стала им размахивать. Если бы она периодически не сморкалась в него, можно было предположить, что это неприятель вывесил белый флаг, а потом она долго махала им вслед, свесившись наполовину из окна, я даже испугалась, что она упадет.

Мы вернулись в дом, мамуля легла спать, а я стала собираться на работу, вернее на встречу с Наташкой, которая меня достала звонками.

Маша и представить не могла, что будет так тяжело. Она думала, что это совсем нетрудно шваброй помыть полы, но оказалось, все не так просто. Маша рассчитывала убраться к обеду, но получилось почти к ужину. К вечеру ломило поясницу, немели руки и дрожали коленки. Маша недоумевала, как же так, ведь она видела, что уборщицы уже в двенадцать часов не было и в помине, наверное, она слишком тщательно моет и часто меняет воду. Но последнее время подъезд вообще никто не убирал, так что по-другому пока не получается. Ничего, она привыкнет, это только в начале тяжело, а потом все наладится, зато она часто бегала домой, кормила сына обедом, помогала с уроками. Но физическая усталость была не самым неприятным, оказалось, тяжело встречаться с жильцами, которые ее знали. Маша уговаривала себя, что это не стыдно убирать подъезд, что всякий труд почетен, но все равно, когда кто-то проходил мимо, она старательно отворачивалась. Жильцы тоже реагировали по-разному. Одни делали вид, что незнакомы, другие, наоборот, здоровались, подчеркнуто любезно, а были и такие, кто брезгливо морщил нос. Зато ее зайчик стал гораздо веселее и разговорчивее, даже бледность ушла. Пожалуй, можно и в школу его отправить.

На следующей неделе, убедившись, что Сережа хорошо себя чувствует, Маша отправила его в школу и пошла мыть подъезд. Она убирала первый этаж, когда услышала, как хлопнула дверь, кто-то поднимался по лестнице. Она выпрямилась и посторонилась

— Вы?!

Маша подняла глаза. Перед ней стоял Беляев. Он был одет в шикарный кожаный плащ, и пахло от него дорогими духами. Маша покраснела, а потом вызывающе спросила

— Не ожидали? Да, я убираю подъезды, и мусор выношу, и пахнет от меня плохо. Вот...

Она не решалась посмотреть ему в глаза, а он сам растерялся и от этого не мог подобрать нужных слов, чтобы не обидеть ее.

— Да я, собственно, не к вам.

Он прошел к лифту, нажал первую попавшуюся кнопку, в душе ругая себя последними словами. Как он мог?! Что он ляпнул? Ведь она поняла, что он к ней приехал. Выходит, увидел, что она убирается, и сбежал? Фу, как некрасиво получилось. Ничего, сейчас он спустится и все объяснит. Нормально скажет, что его не смущает ее работа, что ему совершенно все равно, чем она занимается. И приехал он к ней. Лифт остановился на первом этаже. Никого.... Куда же она подевалась? Он неловко потоптался на месте, прислушался – все тихо. Тогда он вышел на улицу и увидел, как она идет вдоль дома. Он заколебался. Что он с ума сошел? Это ж черт знает, что! Увлёкся уборщицей. Но, не слушая голос рассудка, Беляев бросился за ней.

— Стойте! Маша! – Он остановил ее, дернув за рукав. Она обернулась и на этот раз смело посмотрела ему в глаза.

— Дома не застали? Ну тех, к кому пришли?

— Маша, я пришел к вам. Просто я растерялся, я хотел...

— Не надо ничего объяснять, и так все ясно. Вы разочарованы и...

— Маша! Не перебивайте меня. Да, я разочарован, да, я не ожидал увидеть вас в таком... виде. — Она дернулась, чтобы уйти, но он не позволил. — Я действительно приходил к вам. Вы мне нравитесь, и я хотел вам....

— Все. Извините, мне некогда. Мне еще один подъезд убрать нужно.... Поймите, мы не пара. Неужели вы не видите? Всего хорошего.

Она вошла в соседний подъезд, Беляев хотел войти за ней, но в это время зазвонил телефон. Звонил его партнер по бизнесу и давний друг Марат Бакиров. Он напомнил, что сегодня собрание акционеров и что присутствие Беляева обязательно. Беляев только чертыхнулся, с тоской посмотрел на закрытую дверь и решительно направился к своей машине. Ничего, в следующий раз все будет по-другому...

Маша убиралась, слезы застилали глаза. Она рукавом их вытирала и пыталась успокоиться. Ужасно, что он увидел ее в этом халате, такую страшную, в каком-то кошмарном платке. Он такой элегантный и красивый. Конечно, ему нужна другая женщина. Для серьезных отношений она не годится, а для других и тем более. Но она заметила, что он был расстроен, и это было приятно. Ничего, желающих утешить найдется предостаточно. Все, эти глупости она выкинет из головы раз и навсегда. У нее сейчас другие заботы — где взять деньги? Вчера она зашла к Зинаиде Александровне, та наверняка знала стоимость их квартиры. Соседка сразу пригласила ее в комнату, краем глаза Маша заметила на кухне букет алых роз.

- Ой! Я, кажется не вовремя. - Маша кивнула на цветы и с удивлением заметила недовольство на лице Зинаиды Александровны. Извинившись, она прошла на кухню и через минуту скрылась с букетом в соседней комнате. Маша никогда там не была, дверь была всегда плотно закрыта. Интересно, зачем Зинаида отнесла букет туда, а не поставили здесь на столе? Как будто спрятала. Странно. Но вот соседка вернулась и уже обычным тоном стала расспрашивать про работу, про Сережу. Отвечая, Маша отметила, что глаза у Зинаиды заплаканные. Она мысленно отругала себя. Нельзя же быть такой эгоисткой, кроме своих проблем чужих не замечает. Что-то случилось у Зинаиды Александровны, а она даже не поинтересовалась, да и спросить неудобно.

Узнав, что Маша хочет продать квартиру, чтобы заплатить за операцию, соседка спросила.

— А муж ваш здесь прописан?

— Конечно, ведь это его квартира.

— Он-то согласится продать квартиру?

— Честно говоря, я об этом не подумала, но ведь это для сына.

— Надо с ним поговорить, а квартиру эту продать проще простого, желающих на нее много.

На прощание Зинаида Александровна похвалила ее, сказав, что подъезд стал значительно чище.

— Только зря вы так стараетесь? Они все равно не оценят, они привыкли к грязи

Маша удивленно захлопала глазами, вопрос не задала, но, кого она имела в виду, говоря «они не оценят». После разговора остался неприятный осадок, но она вскоре об этом забыла.

Маша поднялась к себе, скоро идти за Сережей. Хоть он и просил не встречать его, она все равно бегала к школе, издали смотрела, как он выходит, не подходила, пока рядом были ребята. Ждала, когда он повернет за угол и махнет ей рукой. Тогда она подбегала и сразу снимала с него тяжелый ранец. А пока время есть, она, пожалуй, выпьет чашку чая

В квартире было тихо, Маша подумала, что жильцов нет дома, но вскоре из их комнаты послышались голоса. Они что-то возбужденно обсуждали на своем немного гортанном языке. В прихожей стояла большая сумка. Видимо, опять посетители. Интересно, что они таскают в этих огромных сумках? Наверное, тряпки, когда они заселялись, то упоминали, что занима-

ются торговлей. Больше они ничего не говорили, и вообще были немногословны. Все больше «спасибо, здравствуйте, до свидания». Да и видела их Маша редко. Жильцы уходили рано утром, а приходили поздно вечером и часто уезжали, говорили, что за товаром. Но это их дело, деньги они платили исправно, и Машу все устраивало. Но сейчас она вдруг подумала, что даже паспортов у них не спросила. Наверное, это неправильно, так не делают, но теперь вообще неудобно об этом говорить. Господи! Хоть бы решить вопрос с квартирой! Неужели Андрей откажет? Нет, этого не может быть. Пусть он не приходит и не звонит, но продать квартиру, конечно, согласится, ведь это для его сына. Так, утешая себя, Маша прошла к себе в комнату, надо прилично одеться и накрасить губы, чтобы Сереже не было стыдно за нее. Опять вспомнился Беляев, вспомнилась их первая встреча. Он очень понравился ей, а Сережа несколько дней только и говорил, какой он замечательный, и какая у него огромная машина. Вот было бы здорово, если бы он еще раз их подвез. При этом Сережа вопросительно смотрел на Машу, она делала вид, что не понимает, а сама ругала себя. Дура она непроходимая, почему не дала ему высказаться? Ведь видела, что и она понравилась ему, не даром же он приехал. И деньги у него, конечно, есть. Возможно, он бы ей помог... Нет! Получится из-за денег. Так она не сможет, и не хочет. Все! Надо выкинуть его из головы. Все равно ничего хорошего из этого не вышло бы, так что все правильно. У нее есть Сережа, и думать надо только о нем.

Пришлось врать Лариске, что мне надо заехать на Соломенную Сторожку, кое-что забрать для мамули. Лариска вяло заметила, что Наташка тоже задержится, но ей совершенно все равно. Да, она так и заявила – Делайте, что хотите, мне совершенно все равно. – И голос при этом был какой-то странный, прямо скажу, без вредных Ларискиных интонаций, как будто ей действительно все равно. Может, заболела? Ничего потом все выясню. Ну вот и Наташка примчалась.

— Всем бонжур. Как у вас тихо. Уехали?

— Да, проводили, как-то грустно стало.

— Ничего, не успеешь оглянуться, они уже вернуться. Птичка! Ну, что ты копаешься? Ты что собираешься в этих туфлях идти?

— Конечно. А что?

— Они же на каблуках, - она понизила голос, - а тебе, может, бежать придется...

— А сама ты почему на шпильках?

— Так я же только наблюдатель.

Я быстро поменяла обувь, в душе негодуя. Нет, ну надо же! Мне еще и бегать придется, а она будет наблюдать!? Вообще мы так не договаривались.

— Все, я готова.

Во дворе она критически осмотрела мою машину

— Интересно, когда ты расстанешься с этой колымагой?

— Знаешь, я любила только свою первую машинку. Помнишь, мою «Маздочку»? Не машина, а прелесть, а остальные... по барабану. Все равно, лишь бы ездил, но эту, действительно пора менять. Наташ, что-то у тебя вид какой-то задумчивый, и Лариска говорила сегодня тоже как-то странно.

— Да? – Сразу оживилась Наташка. – Ты тоже заметила? Так на нее непохоже.

— Может, она плохо себя чувствует? – Я вырулила на трассу, помахав охранникам на посту.

— Кто? Лариска? Она никогда не болеет, а впрочем... Ладно, слушай, о чем я подумала. – Наташка сделала паузу, а я приготовилась слушать. – Так вот, вместе нам появляться нигде нельзя.

— Это еще почему?

— Потому что за тобой могут следить.

— Кто? – Обмерла я.

— Этот тип, что дал тебе записку. Кстати, ты ее не забыла? ... Молодец... Этот тип знает, на каком вокзале это лежит. Сам по какой-то причине взять не хочет. Может, опасается чего-то, поэтому поручил тебе. Но, возможно, будет наблюдать за тобой, то есть, за этой ячейкой, вдруг кто-то еще туда залезет. Ну, в общем, такое может быть. Ты как думаешь?

— В принципе я с тобой согласна, - важно подтвердила я, но у самой противно что-то екнуло внутри при мысли, что за мной кто-то будет следить. Наташке хорошо – ее не задерживали сотрудники ФСБ, а я, как вспомню, так...

— Ты слушаешь?

— Конечно.

— И вот, что я подумала. Мы сейчас поедem на Соломенную Сторожку, ты оставишь там свою машину и возьмешь такси, а я, как верная подруга, буду следовать за тобой только в другом такси, заодно и проконтролирую, следят за тобой или нет. Ну как, я правильно мыслю?

— Да, правильно, - пришлось согласиться, хотя в душе все взбунтовалось. Я уже не хотела орден на грудь, и даже похвала Саши меня не вдохновляла. Зачем я ввязалась в эту авантюру? А вдруг у меня будут отнимать это? Что мне тогда делать? Бороться? Ну уж нет, так можно и травму получить. Защищать это я не буду ни за что, я еще не сошла с ума...

— Птичка! Очнись! Мы почти приехали.

И, правда, что-то сегодня быстро добрались. Вот и Марья Степановна. Сейчас вопросов не оберешься.

— Н-да, как говорится, любите соседей – источник знаний. - Недовольно пробормотала Наташка и, улыбнувшись, вышла из машины.

— Сколько лет, сколько зим! Марья Степановна, как здоровье?

Не дав возможности нашему стражу порядка распространиться по этому поводу, она, наклонившись к ее уху, продолжала – У нас важное задание. Если мы здесь позже появимся, делайте вид, что нас не знаете, можете, наоборот, смотреть с подозрением, как на посторонних.

Марья Степановна слушала и моргала, а потом выдала.

— Девчонки, вы чего задумали? Упаси вас Господь связаться с криминалом. А Петька знает? А твой банкир?

— Марья Степановна, в том-то и дело, что кроме вас никто не знает, - я очень дружелюбно улыбалась, - и потом, мы ничего плохого не делаем. Наоборот, мы хотим помочь раскрыть одно...ммм... преступление.

— Да что ж кроме вас некому этим заняться?

— Марья Степановна, только вам говорю, зная, что вы – могила, - Наташка опять наклонилась к ней. – Дело в том, что Светка очень похожа на одну преступницу, и органы, - при этом Наташка многозначительно посмотрела вверх, - просили ее помочь. Понятно?

— Понятно. – Моргнула бабулька и примолкла. – Так, мне, выходит, надо делать вид, что я с вами не знакома?

— Ну да, - обрадовались мы

— А с Витькой я тоже незнакома, у него что, тоже задание?

— С каким Витькой? – Озадачились мы

— С каким? С летуном этим, Ларискиным

— А что с ним такое?

— Видела его тут с барышней одной. Он думал, я не замечу, сам вперед вышел и за угол - хмыльк, а потом его барышня процокала. Так я в окошке все видела все его манервы.

— Что?

— Манервы его хитрые, и вот ведь рожа бесстыжая, в Ларискину квартиру привел, не постеснялся, кобель, как есть кобель!

— Марья Степановна, вы никому не говорите, ладно?

— А то я не знаю? Конечно, не скажу, а вы уж сами покумекайте, как лучше сделать.

Мы распрощались с нашим бдительным стражем и, бросив прощальный взгляд на машину, отправились ловить такси. Наташка стала возмущаться.

— Представляешь, какая сволочь этот Витенька! Вот почему у Лариски был голос такой странный. Наверняка она что-то подозревает. Как думаешь, говорить ей?

— Ни за что!

— А что же нам делать? Молчать и смотреть на его выкрутасы? Может, ему сказать?

— И ему не надо ничего говорить, в крайнем случае, намекнем.

— Нет, это неправильно, Лариска должна знать.

— Хорошо, представь на минутку, что мы ей все рассказали, они сначала поругаются, а потом помируются, а мы с тобой будем враги номер один.

— Почему это они должны мириться?

— А что ты хочешь, чтобы они развелись?

Наташка задумалась.

— Вспомни себя, - продолжала я. – Если бы мы с Лариской рассказали все Петьке, вы бы все равно с ним помирились, а он нас после этого знать бы не захотел!

— Да, все так, но это две большие разницы: когда мы изменяем, и когда нам изменяют.

— Все, Наташ, не буду с тобой спорить, все равно не знаю, как правильно. Наверное, правильно будет не изменять вообще.

— Пой, ласточка, пой... Вот посмотрю на тебя, если ты вдруг увлечешься. И вообще, если в семье только один муж, он вырастает эгоистом.

— Такси!

— Лучше частного, такси дороже.

— Ты, как хочешь, а я на такси.

Я уже залезла в машину, Наташка вдруг подбежала и плюхнулась рядом.

— А как же конспирация?

— Я подумала, что мы сейчас заедем на Савеловский, нам как раз по дороге, а там я возьму машину.

Наташка вышла, не доезжая до вокзала, а я вышла на стоянке и направилась искать камеру хранения. Черт! Как я вокзалы не люблю! Народу полно... хотя здесь не очень много... Видимо, такой вокзал. Где здесь камера хранения? Вот указатель, все понятно, идем по стрелке. Почему на вокзалах такой запах специфический? Хоть нос затыкай. Так, вот оно – хранилище. Какой там номер? Ой, как неудобно, тут люди, а я сейчас в чужую ячейку полезу. Выждав момент, я подошла к ячейке и стала нажимать на циферки, а в это время две какие-то нагруженные тетki, вытянув шеи, сверлили меня глазами.

— Ты чего здесь крутишься, а? Это что, твоя ячейка? Ты сюда клала? Это Зинкина ячейка. А ну, покажь свои документы. Эй, Нюра, зови милицию, я ее покараую.

Я вначале обмерла, не зная, что сказать, а потом затараторила:

— Да вы что? Как вы могли такое подумать? Меня попросили забрать, а я ячейки, наверное, перепутала. Очень мне нужно ваше барахло.

— Стой, шалава! Держи ее!!

Мама! В панике я чуть не выронила записку. Хорошо, что я туфли надела без каблучков. Господи, Наташка, как знала. Где она, наблюдатель хренов?! Ой, какой стыд! Просто позор! Скорее в машину. Черт, я же такси отпустила. На мое счастье, прямо у выхода остановился «Жигуленок». Я, не спрашивая, прыгнула туда.

— Скорее, пожалуйста, на Комсомольскую площадь.

— Вы что, на поезд опаздываете?

— Да опаздываю. Скорее, пожалуйста.

— На какой вокзал?

— На какой? Сейчас узнаю. – Я набрала Наташкин телефон – На какой вокзал?

— Ты что, неслась, как угорелая?

— Говори быстро, на какой вокзал?! – Рывкнула я, а водитель поглядел на меня с интересом.

— На Казанский, ненормальная, потом перейдешь на Ярославский - Ленинградский последний.

— На Казанский, - бросила я водителю и отключила телефон.

Нет, так дело не пойдет. Что же мне на каждом вокзале будут такое учинять? А если поймают? Может, мне отказаться от этой затеи? Но, немного успокоившись, я решила на еще одну попытку. Может, как раз на Казанском и повезет...

Наташка так хорошо законспирировалась, что я нигде ее не заметила. Спросив у носильщика, где камера хранения, бодро спустилась вниз. Здесь народа еще больше, правда, никто не обращает на меня внимания. Главное, быть естественной, подойти и так небрежно ...

— Ой! – Я оглянулась на двух подростков, толкнувших меня.

— Ну, че встала, рот раззявила? Да отойди, ты...

От такой грубости я онемела и невольно подвинулась. Они подошли как раз к моей ячейке, набрали код и стали что-то доставать. Я не досмотрела что, так как поняла, что это их ячейка. Слава Богу, они вовремя меня толкнули, а то опять пришлось бы бежать. Что я кенгуру, что ли? А кстати, где мой наблюдатель? Я повертела головой – Наташку нигде не было видно. То же мне, конспираторша! Спустившись в переход, достала мобильник. В это время меня так сильно толкнули в спину, что я споткнулась и бухнулась на колени. Поднявшись, увидела уже вдалеке быстро удаляющуюся мужскую фигуру. Вот сволочь! Даже не извинился. Нет, не буду плохо о нем думать. Может, человек на поезд опаздывает. Возможно, он даже крикнул мне «извините», только я не расслышала. Ладно, где мой телефон? Вот это фокус! Он же стащил мой телефон! Как же я теперь свяжусь с Наташкой?! И в этот момент она возникла, как джин из бутылки.

— Птичка! Ты чего тут стоишь, как бегунья на старте, потеряла что-то?

— «Потеряла что-то», - я передразнила ее. – Телефон мой умыкнули, а перед этим меня уронили. Больно, между прочим.

— Ну, надо же! Вот гады! Но ты не переживай, телефон у тебя все равно паршивый был, ты же сама говорила.

— Но там все номера записаны, это ж теперь, сколько переписывать придется.

— Нет, ну посмотри, и брюки испачкала, теперь не отстираются....

— Ой! А записка? Записка где?

— Да в кармане она, будь она неладна! И зачем я только ввязалась в это дело?

— Птичка, это все ерунда, то ли еще будет, - оптимистично заверила меня Наташка и, поддерживая меня под руку, повела по переходу. – Так, ты сейчас быстренько на Ярославский и потом на Ленинградский. Не бойся, я рядом.

Ничего не ответив, прихрамывая, я побрела на Ярославский. Надо было послать ее к черту и на этом все закончить. Хорошо хоть сумка на месте. Я крепче прижала ее к груди и, с подозрением поглядывая на окружающих, спустилась в камеру хранения. Где эта чертова ячейка? Я нашла нужный номер и неторопливо прохаживалась рядом, как будто поджидала кого-то. Вроде, никто не смотрит. Итак.... Набрала код и вздохнула с облегчением, поняв, что дверца не открывается. Ну и замечательно. Теперь можно на Ленинградский и все. На сегодня с меня хватит, и никакие Наташкины доводы на меня не действуют.

На Ленинградском вокзале не так много народа, здесь как-то поспокойнее. В палатке продавались чебуреки и, посмотрев на часы, я поняла, что хочу есть, в это время мы обычно обедаем. Интересно, чем нас сегодня побалует Зоя Тимофеевна? Не заметила, как дошла до камеры хранения. Отлично, никого нет. Так, для очистки совести, проверим эту ячейку и

поедем обедать... Щелк! От неожиданности я даже не поняла, что она открылась. Сразу заколотилось сердце. Я медленно открыла дверцу и увидела большую клетчатую сумку, в точности такую, в каких возят свой товар челночники. Пододвинув ее поближе, поняла, что она очень тяжелая. Вот же мужики пошли! И как он себе представляет, что хрупкая женщина понесет такую тяжесть? Нет бы самому это таскать! Безобразие! Да еще страшная такая! Я уж не говорю о том, что она совершенно не гармонирует с моим костюмом. Нет, такую страхолюдину я даже в руки брать не хочу.

— Вам помочь? – Очень кстати появился носильщик.

— Да, да, да. Возьмите, пожалуйста, эту сумку и отвезите ее на площадь, я там возьму машину.

— Будет сделано. Поехали. – Он легко закинул сумку на тележку и так быстро покатил, что я за ним еле успевала.

На площади он подвез свою тележку прямо к машинам, стоявшим в ожидании клиентов. Я покрутила головой – Наташки не видно, ну и пусть дальше конспирируется, а я поеду на работу, обедать.

— Куда поедем? – Обернулся молодой улыбчивый водитель.

Я уже открыла рот, но тут вспомнила, что не могу ехать с этой сумкой на работу, тогда придется Лариске во всем признаваться. Черт!

— На Соломенную Сторожку, пожалуйста, – со вздохом произнесла я и пока водитель закинул мою сумку в багажник, стала объяснять, как туда проехать.

У дома караулила Марья Степановна, заметив меня, даже глазом не моргнула, нет, все-таки моргнула, когда увидела, как я тащу эту клетчатую страхолюдину, но ни слова не сказала. Слава Богу, никого больше не встретила, а то еще подумают, что я стала челночницей. Кое-как втащила ее в квартиру и, оставив ее в прихожей, прошла на кухню. Зря не купила те чебуреки, так кушать хочется. Я стала шарить по полкам, в надежде обнаружить что-нибудь съестное, печенье, например. Куда Наташка запропастилась? Все, если она сейчас не появится, я уезжаю обедать, и гори оно огнем и синим пламенем! И в это время в дверь позвонили. Конечно, это она, собственной персоной. Морда красная, пытит, как после стометровки, бежала, что ли?

— Слушай, тут такие дела, – почему-то зашептала она. – Короче, за тобой следили –

это точно. – Пройдя на кухню, она радостно продолжала – Представляешь, он появился внезапно на Ленинградском, когда ты в машину сядешь, и поехал за тобой, а я за ним. Он завернул в наш двор и остановился, подождал, когда ты в подъезд войдешь и сразу за тобой ломанул, а я за ним. В подъезд вошла – никого. Видимо, он проследил, в какую квартиру ты вошла. Я на лифте поднялась – никого, наверное, он по лестнице спустился. А ты ничего не заметила? Нет? Ну, и ладно. Дай попить, так пить хочется.

Не дожидаясь, она сама налила себе воды из-под крана и с жадностью выпила, а я опустилась на стул, пытаясь осмыслить сказанное. Это что она сейчас мне радостно сообщила? За мной следили? Отлично! Просто замечательно! Следили, ехали до самого дома и даже узнали квартиру. Господи! Ну зачем я ввязалась в эту историю? Видимо отчаяние отразилось на моем лице, потому что Наташка с сочувствием произнесла.

— Ты что, боишься?

— А как ты думаешь? – Огрызнулась я. – Между прочим, я рискую... жизнью

— Да ладно, все не так серьезно. Ты посмотрела, что там в сумке?

— Ничего я не смотрела, и мне совершенно все равно, что там. Ты видела эту сумку? Обычная сумка для перевозки тряпок, очень тяжелая, между прочим, еле дотащила.

— Будет обидно, если там окажутся тряпки. Зачем тогда вся эта таинственность? – Ее голос донесся уже из прихожей. – Ты что, свет экономишь? Такая лампочка, наверное, такие в коммуналках были. Давай-ка, лучше здесь откроем, на кухне. Помоги ее на стол поставить. Оп-па!

Глаза б мои на это не смотрели! Как я и ожидала, там лежали тряпки. Наташка ловко стала их выкладывать на стол.... Ну и что она там замерла?

— Эт-то что такое? – Наташка медленно стала доставать какую-то штуку, похожую на пояс от радикулита. Только он весь был в проводах, и еще на нем были прицеплены карманчики и в них вставлены какие-то штучки.

— А что это за карманчики такие интересные? – Я протянула руку потрогать, но Наташка неожиданно хлопнула меня по руке.

— Ты что, обалдела?! – Обиделась я, но, подняв глаза на Наташку, заметила неподдельный испуг. Это было так на нее непохоже, что я забыла про обиду.

— Птичка, кажется, мы влипли по-крупному, - выдавила она с трудом, осторожно положив странный пояс на стол. Полезла опять в сумку и со страхом уставилась туда.

— Птичка, здесь оружие, а вот эта штука очень похожа на шахидский пояс.

— Где?! – Подпрыгнула я.

— Осторожнее! Веди себя тихо, а то, кто его знает...

— Мама! – Я закрыла рот рукой и гипнотизировала взглядом пояс. – Бежим отсюда! Что ты там ищешь? Давай скорее!

Наташка осторожно положила странный пояс обратно и стала сосредоточенно рыться в своей сумочке, я догадалась, что она ищет ключ от своей бывшей квартиры. По тому, как долго она там копалась, я поняла, что она пытается скрыть волнение. «Ага, занервничала», - с некоторым злорадством подумала я. Наташка с непроницаемым лицом все продолжала исследовать содержимое своей сумочки. Сколько же там всего лежит? Я от нетерпения постукивала ногой. Наконец, она выудила ключ и молча показала на дверь. Мы вылетели из квартиры и, не дожидаясь лифта, спустились в бывшую Наташкину квартиру.

— Слава Богу, ключ не выложила, - выдохнула Наташка, - сейчас мы все спокойно обсудим и заодно поедим. Маманя, правда, в командировке, но чай и кофе найдутся.

Наташка деловито включила чайник и стала шарить по полкам и в холодильнике. Я молчала, мне даже и сказать было нечего – ни одной мысли в голове: ни светлой, ни дурацкой, просто никакой, сидела и тупо смотрела на Наташку.

— Ты что будешь, чай или кофе?

— Кофе, - машинально ответила я и как-то сразу пришла в себя. – Наташка, что делать!?

— Что делать? – Она пожала плечами. – Главное – сохранять спокойствие. Сейчас кофейку попьем с хлебцами и что-нибудь придумаем. Ешь, на голодный желудок думается хуже.

— На голодный желудок вредно есть, - заметила я, наблюдая, как Наташка мечется по кухне.

Она достала сухие хлебцы, сливочное масло и джем и совершенно не к месту глубоко-мысленно изрекла.

— Н-да, любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда.

Не поняла, причем здесь любовь, а есть и правда очень хочется. Пока хрустели хлебцами, мы даже не взглянули друг на друга, только, глотнув кофе, Наташка вдруг спросила.

— Ну, что делать будем?

Я возмутилась от такой наглости, поперхнулась и закашлялась, даже слезы выступили на глазах.

— Как это, что?! Ты это все придумала...

— Очень хорошо, - спокойноотреагировала она, - теперь я знаю, как тебя привести в чувство. Успокойся, у меня есть предложение... Давай позвоним Юра отменяется? ... Да, да, не будем его беспокоить, тем более он у нас скоро будет молодожен. Давай позвоним Мише Позднякову. Он наверняка в этом разбирается. Может, это совсем не то, что мы подумали, и мы зря тратим нервные клетки.

— Мне все равно, звони, кому хочешь, лишь бы поскорее.

— Тогда ты сама набери его номер, у меня нет его телефона.

Я полезла за телефоном и вспомнила.

— Черт! Телефон-то украли. Может, Лариске позвонить?

— Не хотелось бы, но раз другого выхода нет... Звони – Она принесла мне телефон.

— Ларис, тут такое дело... в общем, у меня украли мобильник, я потом расскажу, а мамуле срочно понадобился Миша. У тебя есть его телефон? Ага.... Записала...спасибо. Мы когда приедем? Вот освободимся и сразу же приедем.... А ты что, уезжаешь? Конечно, езжай, раз надо... Пока.

Наташка, не дожидаясь конца разговора, уже набирала по сотовому номер Михаила. Его удивила просьба приехать на Соломенную Сторожку, да еще срочно, но он согласился, и что удивительно, не спросил, как доехать. Мы облегченно вздохнули, все-таки хорошо, когда можно решение серьезного вопроса переложить на крепкие мужские плечи.

— Ну вот, теперь спокойно подождем, может, и сами что-нибудь придумаем.

— Послушай, Наташ, мне кажется, я дверь не закрыла.

— Кажется или точно?

— Не помню, надо посмотреть.

— Ну, сходи, посмотри, - небрежно бросила она.

— Нет уж, пойдем вместе.

— Да, пожалуйста, вместе, так вместе.

Мы поднялись по лестнице. Сверху послышался щелчок, как будто кто-то тихо прикрыл дверь. Мы остановились, прислушались – все тихо.

— А чего мы, собственно, боимся? Идем к себе домой, - подбадривала меня Наташка. – Мы что, грабители какие или воры? ... Слава тебе, господи, дошли. Ну, точно не закрыла. Какая ты все-таки ворона! Давай, закрывай. – Она приоткрыла дверь и вдруг спросила - Птичка, а что это на полу, краска какая-то? Или ты разлила что-то?

— Что я могла разлить? У меня же здесь ничего нет. Ну-ка, подвинься. А сумка как здесь оказалась? – Я в испуге оглянулась на Наташку, но ее вид как-то не вселял уверенности – Наташ, ты не помнишь, мы ее приносили сюда?

В ответ она энергично затрясла головой и напряженно смотрела через мое плечо. Я осторожно обошла сумку и вошла на кухню....

— А-а-а-а!! – Мне казалось, что я громко ору, но почему-то себя не слышу.

Прямо передо мной на спине лежал мужчина с разбитой головой.... Очнулась я оттого, что кто-то сильно меня бил по щекам.

— Да очнись ты! Что же это такое?! – Наташка была на грани истерики, я это сразу поняла, когда пришла в себя и открыла глаза.

— Мне это приснилось? – В надежде на положительный ответ спросила я, но Наташка вздохнула. – Значит, он действительно лежит на моей кухне с разбитой башкой? – Я встала и, не оборачиваясь, вышла в прихожую – Как думаешь, он еще жив?

— Нет, я пульс пощупала, но он еще теплый... Идем скорей отсюда.

Я пребывала в каком-то оцепенении и послушно позволила себя увести. Около Наташкиной двери возвышался гигант. Сердце ушло в пятки, мы отпрянули, а потом с облегчением вздохнули – это же Миша.

— А вы, это... вдвоем? А Лариса где? – Он вошел вместе с нами в квартиру

— Ты проходи в комнату, сейчас мы тебе все расскажем. А Лариса на работе осталась. Почему ты решил, что она с нами?

— Так ты сказала, «мы», я и подумал, что вы все вместе... Ладно, проехали.

Ну, что у вас случилось-то, о чем нельзя по телефону было сказать... Чего тише? Ладно, тише, так тише... Чего, спит кто-то?

— И очень крепко, - сказала Наташка. – Но это не здесь, это у Птички в квартире... спит... В общем, мы не знаем, что с этим делать.

— Я не понял, вы зачем меня позвали?

— А ты что-то быстро приехал?

— Так я здесь недалеко был на Тимирязевской... Я что, не вовремя, что ли? – Он слегка приподнялся.

Мы испугались, что он сейчас уйдет и, вцепившись в него, заверещали.

— Ты, что? Ты так вовремя, так вовремя!! Миша только на тебя вся надежда! Ради Бога, помоги!

— Ну рассказывайте, что произошло?!

— Хорошо, - обреченно вздохнула я, - все началось с «Ашана»

По мере моего рассказа лицо его все больше вытягивалось.

— Так ты взяла сумку и привезла ее сюда? Зачем?

— Больше некуда было. Домой нельзя, на работу тоже. Там Лариска, она бы нас отругала.

— И совершенно правильно, - одобрил Миша.

— Сейчас мы сами понимаем, что Лариска была права, но что с этим делать? Понимаешь в сумке был такой пояс, на радикулитный похож только с карманчиками ...

В общем, мы подумали, что это взрывчатка.

— Блин!! Пошли, посмотрим, - он поднялся и направился к двери. Пора его предупредить.

— Постой! – Крикнула я.

— Что?

— Это не все!

— Что, там еще одна сумка?

— Хуже Там лежит мужик с пробитой башкой.

Он опустился на стул и вытер мигом вспотевший лоб.

— Твою мать! Вот дерьмо!? А он откуда взялся?

— Мы сами не знаем....

— Значит, так... вы сейчас мне все рассказываете или я немедленно уйду, и выпутывайтесь сами, как знаете.

Испугавшись, что он исполнит свою угрозу, мы с Наташкой, перебивая друг друга, стали рассказывать, что знали.

— Как он в квартиру попал?

— Но мы же тебе сказали, мы убежали, и Птичка забыла закрыть дверь, а потом вспомнила, что дверь открыта и мы поднялись туда. Входим, а там он лежит, а сумка в прихожей, хотя мы ее оставили на кухне на столе. Да, Свет?

— А чего ментов не вызвали?

— Мы испугались. Он же на моей кухне лежит с разбитой башкой... и кровь... вдруг подумают, что это я его... А... Еще и сумка....

В ответ было молчание. - Конечно, я могу позвонить в милицию и все рассказать, но Саша? Что я ему скажу? Он убьет меня ... – Я громко всхлипнула.

— Подожди, не реви. Пойдем, посмотрим, что там. – Обречено вздохнув, он направился к двери, мы потрусили за ним.

У меня так дрожали руки, что я никак не могла попасть в замочную скважину. Миша отобрал у меня ключ, и сам открыл дверь. Сумка была на прежнем месте, а труп? Вдруг он испарился? Я смело шагнула на кухню – чуда не произошло - он лежал в той же позе на спине. Миша пощупал пульс и, осторожно опустив руку, покачал головой. Значит, все-таки труп.

— Вот что, - тихо произнес Миша. – У тебя есть старое одеяло или ковер? Пожалуй, лучше ковер...нет, он тяжелый очень.

— Там в комнате лежит на кресле плед... А что?.. А зачем?..

— Еще шапку какую-нибудь найди, на голову наденем.

Отодвинув меня в сторону, он прошел в комнату и взял мой клетчатый плед.

— Помогайте... твою мать... - Он стал переворачивать... тело, и я невольно посмотрела на убитого. В глаза сразу бросилась родимое пятно на щеке.

— Ой! Это же тот тип, что подсел ко мне в «Ашане».

— Это уже неважно, - пробурчал Миша, прикрывая тело пледом.

— Красивый плед был, такой расцветочки редкой. ... Что-то мне нехорошо как-то. Я, пожалуй, отойду на минуточку.

Потом в ванной меня сменила Наташка, оказывается, ей тоже плохо бывает. Надо же, а я думала, что ей всегда хорошо. Какое счастье, что мы позвали Мишу. Он такой большой и сильный, мы ни за что бы не справились. Он задумчиво смотрел на... труп, наклонился и стал обыскивать его. Достал бумажник и... О, ужас!.. Пистолет, телефон и еще какую-то веревку. Мы с Наташкой поочередно бегали в ванную. Я вообще не хотела оттуда выходить. Можно было бы пересидеть там, пока этот кошмар не кончится. Но, поняв, что все равно мне не отделаться легким испугом, я собралась с силами и вышла. Миша зачем-то переписал себе его последние входящие звонки и паспортные данные, все положил обратно, а потом, полотенцем вытер кровь с головы и надел на него желтую спортивную шапочку, как плащом обмотал его пледом, пыхтел и ругался при этом ужасно.

— Сейчас нельзя выносить, - заметил он, взглянув на часы, и пояснил – люди с работы возвращаются, придется ждать.

Мы не стали выяснять, куда его надо выносить, присутствовала одна мысль – поскорее от него избавиться.

В это время зазвонил Наташкин телефон, «Лариска», - прошептала она и ответила.

— Алле, Ларис, ты уже дома? Где?! На Соломенной Сторожке?!... Вот что, мы сейчас к тебе придем.... Мы тоже здесь.... Почему? Так получилось... Случайно... Сейчас придем и все объясним. – Она отключила телефон и тяжело вздохнув, сказала – Пойдем сдаваться. Конечно, сейчас она нам выскажет малоприятные вещи, но зато и совет дельный даст.

Через две минуты мы уже звонили в Ларискину квартиру. Она открыла дверь, и мы заметили, что Лариска плакала. Увидев Мишу, она смутилась, а потом прищурилась на нас.

— А вы что здесь делаете? – И не дав нам ответить, пригласила войти – Есть хотите? Тогда мойте руки, я кое-что захватила с собой.

Войдя на кухню, мы увидели на столе пирожки от нашего повара Зои Тимофеевны и овощи. На плите булькала кастрюлька, судя по запаху с картошкой. Однако, хоть Лариска и плакала, но аппетит она себе явно не испортила.

— А в сковородке что? – осведомилась Наташка

— Отбивные.... Давайте разложу... Так, вот картошечка... Ну что же вы сидите? Ешьте....

Мы с Наташкой переглянулись и сглотнули слюну, Миша взял пирожок и стал вяло жевать.

— Да что с вами? Особого приглашения ждете?.. Девчонки, что-то рожи у вас какие-то виноватые. Вы что-то натворили? Да? – Вот это «Да» было произнесено таким строгим голосом, что мы с Наташкой совсем поникли. – Миша, может, ты расскажешь, что тут произошло?

Он поперхнулся и, откашлявшись, сказал

— Лучше они сами...

После небольшой паузы, поняв, что больше нельзя отмалчиваться, прочистив горло и вспомнив курсы по психологии, я начала

— Знаешь, Ларис, мы всегда знали, что ты самая умная из нас. Но Лариску не обманули мои льстивые слова, она еще больше нахмурилась. Я кинула взгляд на Наташку, та красноре-

чиво таращила на меня глаза, что означало подбадривание, пришлось продолжать – Потому что ты всегда права. Помнишь, когда ты говорила нам, что надо рассказать все Юре... Ну, это когда меня чуть не придушили... - Миша в упор уставился на меня, - а потом, когда я заказала киллеру себя и Сашу, ты тоже советовала все Юре рассказать, - Миша открыл рот и тихо икнул. – Миш, ты попей водички и не подумай ничего плохого.

— Птичка! Признавайся, что вы натворили? А-а, я, кажется, догадалась, вы все-таки влезли в эту историю с ячейкой. Да?! Что замолчала, продолжай...

— В общем, мы с Наташкой решили объехать все вокзалы и начали с Савеловского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.